

этому данные Р. Лафоном и другими учеными сопоставления не всегда убедительны. Если дальнейшие исследования докажут со всей очевидностью происхождение всех этих терминов из одного и того же корня, представленного и в грузинском *ve(r)šh(li)*, тем самым они окажутся связанными также и с хуррит. *ušḫu*³⁵.

Г. А. Меликишвили

NAMES OF METALS IN ANCIENT ORIENTAL AND CAUCASIAN LANGUAGES

by G. A. Melikishvili

1. Why steel is called *pūlād* in New Persian (from Pahlavi *pōlavāt//pōlāpat*, cf. ancient Armenian *polopat*) is not known. Since metals have rather often been named from tribes or localities famous for producing them, it may be conjectured that the term in question is related to the name of the land of *Puluadi* (apparently pronounced *Poloadi*), which occurs in an Urartian cuneiform inscription recently discovered in Iranian Azerbaijan (see, by the author, *Urartskye klinoobraznye nadpisi*, M. 1960, pp. 453 f., and *VDI*, 1960, 3, pp. 3—11).

2. Greek *χαλκος*, which denotes both copper carbonate ore and one kind of steel cf. Mycenaean *ku-wa-no*, has been compared with Hittite-Luwian *kunna* (pronounced *qunna?*), «copper». To the latter word (a late, shortened form from *kuḫ.annan*) Georgian (*r*)*gina*, «iron», is closely related. The Georgian word was apparently borrowed from Hittite Asia Minor in the epoch of the Georgian-Megrelo-Chanian language unity (the end of the second and beginning of the first millennium B. C.).

3. The author compares the Hurrian word for silver, *ušḫu* (pronounced *ošḫo?*), with Georgian *ve(r)šh-li*, «silver». Similar words for silver occur in many other Caucasian languages (Daghestanian, Abkhazo-Adyghian), and their origin is evidently to be traced to the same Hurrian term.

³⁵ Исходя из наличия во многих перечисленных формах звука г, И. М. Дьяконов во время обсуждения данного доклада высказал предположение о наличии слабого г также и в хурритской (как и в незасвидетельствованной родственной ей урартской) форме, предполагая, что в произношении мы здесь имели что-то вроде *oršho/oršho*. Наличие подобного слабого г в хурри-урартском подтверждается, например, отображением названия столицы урартского царства города *Tušra* в ассирийском в форме *Turušra*. В связи с этим И. М. Дьяконов указал также на мнение Г. А. Климова, который и в картвельских языках первоначальной формой считает не *veshl*, а *vershl* (см. Климов, Этимологический словарь картвельских языков, стр. 83—84).

К ПОНИМАНИЮ CIL, VIII, 619

Надпись¹, рассматриваемая в этой работе, интересна в двух аспектах; во-первых потому что сообщает новые сведения о римской анноне и, во-вторых, потому, что римский офицер, который ее оставил, был командующим римскими вексильциями в Северном Причерноморье. И хотя надпись не раз привлекала внимание исследователей²,

¹ Надпись видел, описал и впервые издал в CIL, VIII, 619 Г. Вильманс, сопроводивший ее большим и подробным комментарием. Переиздания: Dessau, 2747; См. также CIL, VIII, 11780.

² См., например, A. Domaszewski, Die Rangordnung des römischen Heeres, «Bonner Jahrbücher», NR, 117 (1908), стр. 136 слл. Общий разбор надписи в связи с изучением прокураторской карьеры римских всадников дает Г. Г. Пфлаум в двух своих капитальных трудах: H. G. Pflaum, Essai sur procurateurs équestres sous le Haut-Empire romain, P., 1950, стр. 75; он же, Les carrières procuratoriennes équestres sous le Haut-empire romain, P., 1960, стр. 539. М. И. Ростовцев несколько раз ссылается на упомянутую надпись в связи с изучением Северного Причерноморья (см. М. И. Ростовцев, Римские гарнизоны на Таврическом полуострове, ЖМНП, 1900, ч. 3, стр. 144; он же, Новые латинские надписи с юга России, ИАК, вып. 27, стр. 21; он же, Военная оккупация Ольвии римлянами, ИАК, вып. 58, стр. 6—7).

она, особенно в том, что касается службы ее составителя на территории Северного Причерноморья, исследована недостаточно. Это обстоятельство побуждает спустя много десятилетий после находки надписи вновь обратиться к ее изучению.

Надпись, о которой пойдет речь, была найдена в Африке, в городе Мактаре, и представляет рассказ о службе Тиберия Плавтия Феликса Феррунтияна, уроженца этого города. Текст надписи следующий (дается по общепринятому чтению):

Apollini Patrio Aug(usto) sacr(um) Ti(berius) Plautius Ti(berii) f(ilius) Papiria Felix Ferruntianus praef(ectus) alae I Thracum veteranorum sagittariorum, proc(urator) ad solaminia et horrea, trib(unus) milit(um) leg(ionis) I Italicae, praepositus vexillationibus Ponticis apud Scythia(m) et Tauricam, praepositus vexil(lationi) leg(ionis) III Augustae apud Marcomannos donatus donis milit(aribus)...

Конец надписи, где, по-видимому, говорилось о начале карьеры Тиберия Плавтия, стерт, по мнению исследователей, из-за упоминания там императора Коммода³. Перевести надпись можно следующим образом: «Аполлону Отеческому Священному посвящено. Тиберий Плавтий, сын Тиберия, из Папириевой трибы, префект I Фракийской алы лучников-ветеранов, прокуратор хлебных складов и solaminia, военный трибун I Италийского легиона, препозит понтийских вексильций в Скифии и Таврике, препозит вексильций III Августова легиона у маркоманнов, награжденный военными наградами...».

Текст построен по обычной для таких надписей схеме. Перечисление постов Тиберия Феррунтияна начинается, по-видимому, с последнего, высшего, и идет в нисходящем порядке. Для нашей надписи такую последовательность, принял, например, Пфлаум⁴.

Конец надписи, как говорилось, поврежден, и потому карьера Тиберия Плавтия предстает перед нами лишь с того момента, когда он занимал пост командира вексильций III Августова легиона в войне с маркоманнами. В течение жизни он успел побывать командиром римских вексильций в Северном Причерноморье, военным трибуном I Италийского легиона, префектом I Фракийской алы лучников-ветеранов и прокуратором хлебных складов. Таким образом, надпись содержит послужной список лица всаднического сословия, дослужившегося до командира алы ветеранов. Она является посвящением самого Тиберия Плавтия домашнему покровителю, Аполлону, и составлена, по-видимому, после выхода его в отставку и возвращения в родной город Мактар. Словом, это обычный *cursus honorum* не очень знатного и не очень богатого всадника.

Содержание надписи все же оставляет ряд неясностей и ставит ряд вопросов, требующих специального рассмотрения. К таким вопросам относятся определение времени службы Тиберия Феррунтияна на перечисленных в надписи постах, причины его появления на Балканах, объем находившихся под его командованием вексильций в Северном Причерноморье и функции этих вексильций и, наконец, его обязанности как *procurator ad solaminia et horrea*.

Рассмотрение надписи целесообразно начать именно с последней должности, поскольку она представляется обособленной от других. Само название *procurator solaminia et horrea* указывает, что должность эта связана с хлебным хозяйством Империи, которое занимало очень большое место в жизни Рима. Известно, что со времени Клавдия все сложное хлебное хозяйство Рима было подчинено доверенному лицу императора, очень крупному чиновнику — префекту анноны⁵, который занимал третье место в бюрократическом аппарате Империи, сразу же за префектом претория и префектом Египта. И хотя римская аннона изучена достаточно хорошо по многочисленным источникам, должность *procurator ad solaminia et horrea* по другим

³ CIL, VIII, 619, комментарий Г. Вильманса; Pflaum, *Les carrières...*, стр. 539 сл.

⁴ Pflaum, *Les carrières...*, стр. 540, где указана и соответствующая литература.

⁵ O. Hirschfeld, *Die Kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian*², В., 1905, стр. 230—251; М. Е. Сергеев, *Жизнь древнего Рима*, М. — Л., 1964, стр. 48—53.

источникам не известна; изучаемая надпись — единственный документ, где она упоминается⁶. Поэтому исследователям неизбежно приходится становиться на путь гипотез и предположений. Одну такую гипотезу выдвинул несколько лет назад Г. Пфлаум. По его мнению, пост *procurator ad solamina et horrea* чрезвычайный, а не постоянный. Пфлаум приходит к такому заключению по аналогии с CIL, II, 1180 = Dessau, 1403:

Sex(to) Iulio Sex(ti) f(ilio) Quirina Possessori, praef(ecto) coh(ortis) III Gallor(um), praeposito numeri Syror(um) sagittarior(um) item alae primae Hispanor(um), curatori civitatis Romulensium, m(unicipii) Arvensium, tribuno mi[l(itum) leg(ionis)] XII Fulminat[(ae)], curatori coloniae Arcensium, adlecto in decurias ad optimis maximisque imp(eratoribus) Antonino et Vero Aug(ustis), adiutori Ulp(ii) Saturnini praefecti annon(ae) ad oleum Afrum et Hispanum recensendum item solamina transferenda item vecturas naviculariis exsolvendas, pro(curatori) Aug(ustorum) ad ripam Baetis, scapharii Hispanenses ob innocentiam iustitiamque eius singularem.

Пфлаум полагает, что обязанности Тиберия Плавтия могли соответствовать обязанности Секста Юлия Поссессора, который помогал префекту анноны в деле учета испанского и африканского масла, в перевозке хлебных запасов в Рим и оплате транспортных расходов судовладельцам. Пфлаум отмечает также, что эта должность, как и ряд других, не принадлежит к всаднической иерархии в собственном смысле этого слова, а относится к *sous-procureurs*⁷. Несколько позднее он, возвращаясь к этим же надписям и сопоставляя функции этих двух чиновников, писал: «Отметим, что если титулатура этой должности приближается к титулатуре Секста Юлия Поссессора, она, однако, и отличается от нее: если последний в качестве помощника префекта анноны и назначенный им занимается перевозкой съестных припасов, то Тиберий Плавтий Феликс Феррунтин должен наблюдать за складами зерна, которое находится на месте и контролировать зернохранилища. Эта должность, которая определенно оплачивалась не выше 60 тыс. сестерций, совпала с пребыванием обоих императоров в Риме»⁸. Таким образом, в последней работе Г. Пфлаум относит Тиберия Плавтия Феликса Феррунтинца к всадническому сословию, и, как и раньше, считает последнюю его должность временной, учрежденной императорами по чрезвычайному поводу во время пребывания Тиберия Плавтия в Риме в связи с участием в триумфе, устроенном в 176 г. после победы над маркоманнами. Из слов Пфлаума видно, что, по его мнению, эта должность связана с римской городской анноной и что она отправлялась в Риме⁹.

Эта гипотеза в общих чертах кажется довольно правдоподобной, и вследствие «уникальности» титулатуры трудно подыскать данные, подтверждающие или опровергающие ее. Но одно из ее положений все-таки вызывает некоторое сомнение, а именно мысль автора о связи упомянутой должности с Римом. Каковы бы ни были функции этого лица, даже если бы он контролировал зернохранилища и наблюдал за складами зерна, все равно, императорский прокуратор для анноны Рима должен был бы иметь большой опыт прокураторской работы, высокое общественное положение и выделяться или карьерой, или происхождением. Так, Тиберий Клавдий Ксенофонт (CIL, III, 7127 = Dessau, 1421), прежде чем стать субпрефектом анноны, был прокуратором в Египте, затем прокуратором серебряных копей в Паннонии, прокуратором в Иллирике, Нижней Мезии и трех Дакниях и только после этого он был назначен субпрефектом городской анноны. Также и Марк Косконий Фронтин (CIL, X, 7584 = Dessau, 1359) был

⁶ Трудность изучения этой должности заключается еще и в том, что само слово *solamina* встречается только в двух надписях, приводимых в настоящей статье, поэтому его конкретное значение не совсем ясно. Этимологически (см. A. Walde, *Lateinisches etymologisches Wörterbuch* 3, II, Heidelberg, 1954, s. v.) оно происходит от *solamen* «утешение», *solor* «утешать». Можно думать, что в данном случае *solamina* обозначает количество хлеба, отправляемое по какому-то экстремному случаю, скорее всего, в голодающий город или провинцию.

⁷ Pflaum, *Essai sur les procureurs...*, стр. 75.

⁸ Pflaum, *Les carrières...*, стр. 540.

⁹ Там же.

сначала прокуратором Августа по взиманию пятипроцентного налога с полученных наследств в провинциях Понт и Вифиния и Пафлагония, затем прокуратором того же налога в провинциях Азия, Ликия, Фригия, Галатия, Кикладские острова, и только пройдя этот *cursus*, он был назначен субпрефектом анноны Рима. Таким образом, эти люди, прежде чем занять крупный пост в городской анноне, долгие годы были прокураторами в менее важных областях.

Принадлежал ли к таким людям Тиберий Плавтий Феликс Феррунтин? Начав службу с командира вексиляции III Августова легиона, он закончил ее командиром I Фракийской алы лучников-ветеранов. Никаких прокураторских постов, кроме упомянутого, он не занимал; об его близости к императору (или императорам) тоже ничто не говорит; напротив, вся его служба протекала вдали от Рима, на северо-восточных рубежах Империи, на самом опасном и напряженном участке римских границ. Словом, как представляется его карьера по рассматриваемой нами надписи (а других источников у нас нет), он — типичный военный, служака, никогда не покидавший провинциальных лагерей, не очень знатный и именитый, прослуживший всю жизнь командиром средних воинских соединений.

Поэтому представляется маловероятным, чтобы Тиберий Плавтий был назначен Марком Аврелием, как это думает Г. Пфлаум, на должность *procurator ad solamina et horrea* в Риме¹⁰. Указанный автор, чтобы несколько сгладить такое несоответствие, предполагает, что Тиберий Плавтий отличился в войне с маркоманнами и, принимая участие в триумфе 176 г., попал в Рим, где и был замечен Марком Аврелием и назначен на пост прокуратора¹¹. Но эта гипотеза не снимает отмеченного несоответствия между важностью поста прокуратора римских хлебных складов и всей карьерой Тиберия Плавтия.

Более вероятным представляется, что Тиберий Плавтий занимал этот пост не в Риме, а где-нибудь в провинции, причем в его обязанности входили, по-видимому, охрана и наблюдение за складами хлеба, предназначенного для отправки в Рим или привезенного для снабжения армии. То, что известно о провинциальной анноне, подтверждает это предположение. Известно, например, что в Египте был особый прокуратор Александрийского порта¹², на которого, как это показал У. Вилькен¹³, возлагалось наблюдение за находящимися там складами с зерном, предназначенным для отправки в Рим. Был также особый прокуратор для анноны провинции Нарбонны, для анноны Лигурии¹⁴.

Предположение о службе Тиберия Плавтия на посту *procurator ad solamina et horrea* в Риме Г. Пфлаум обосновывает аналогией со службой Секста Юлия Поссессора. Но Поссessor, как свидетельствует приведенная выше надпись, был помощником префекта анноны, и, следовательно, есть больше оснований думать, что он отправлял свою службу в Риме, хотя и тут, на наш взгляд, нельзя а priori отвергать того, что служба на посту *procurator ad solamina et horrea* была связана с пребыванием вне Рима, например в Испании. Должность же надписи нет ничего, что свидетельствовало бы об ее связи с римской анноной (как это имеет место в надписи Поссессора). Неизвестно это и из других источников. Потому сопоставление карьеры Поссессора и Тиберия Плавтия и сделанный на основании этого вывод Г. Пфлаума нуждаются в доказательстве.

Все это наводит на мысль, что и пост прокуратора хлебных складов Тиберий Плавтий занимал там же, где протекала вся его военная служба. Но так как Тиберий Плав-

¹⁰ Более того, *procurator ad solamina* нигде не встречается среди чиновников римской анноны, должности которой хорошо известны. См. Hirschfeld, *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten*, стр. 230—251. Самый термин *solamina* неизвестен хлебному хозяйству Рима.

¹¹ Pflaum, *Les carrières...*, стр. 540.

¹² *Procurator Neapoleos et Mausolei Alexandriae*—CIL, XIII, 1808=Dessau, 1454; CIL, VIII, 8934=Dessau, 1400.

¹³ U. Wilcken, *Zum Germanicus-Papyrus*, «Hermes», LXIII (1928), стр. 60 сл.

¹⁴ CIL, XIII, 672=Dessau, 1432; Hirschfeld, *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten*, стр. 243.

тий всю свою жизнь был военным, он мог и на этом посту по существу продолжать военную службу. Возможно, что он вместе со своим отрядом должен был охранять и беречь военные склады; это могло быть в той же северо-восточной части Империи, может быть, даже в Северном Причерноморье, тем более, что последующий пост он занимает, находясь в Паннонии¹⁵. Это предположение кажется вероятным еще и потому, что обстановка, которая сложилась во второй половине II в. в Придунавье и в Причерноморье, требовала сильной военной охраны хлебных складов. Во всяком случае, *cursus honorum* Тиберия Плавтия говорит скорее в пользу его службы в провинции, чем в Риме.

Интересно упоминание двух военных постов Тиберия Плавтия. Если принять «обратный» порядок его послужного списка¹⁶, то первой была должность *praepositus vexillationis legionis III Augustae*. Здесь весьма любопытно следующее обстоятельство: лагерь III Августова легиона находился постоянно в Ламбезе (провинция Нумидия — Северная Африка¹⁷) и Тиберий Плавтий, который служил в этом легионе, был откомандирован с частью легиона из Африки на помощь римским войскам, сражавшимся на Дунае. Это обстоятельство объясняет причину появления уроженца африканского города Мактара на Дунае и в Северном Причерноморье. В силу сложившихся условий, о которых мы ничего не знаем, он не вернулся в родную Африку, а остался служить в Мезии, командуя римскими вексильциями в Северном Причерноморье. Римские войска, как известно, были расположены в Северном Причерноморье уже во второй половине I в. н. э.¹⁸, и одновременно с ними появляется в гаванях Херсонеса и Харакса эскадра римского флота¹⁹. В течение II века численность римских войск там значительно увеличивается²⁰, и Северное Причерноморье превращается в форпост Империи на ее северо-восточных рубежах. Несомненно, что для изучения роли римских войск в истории этого района важно знать не только о находившихся там частях, но и о неизвестной нам организации римского военного командования и управления. Отсутствие данных вынудило исследователей становиться на путь гипотез, подчас друг другу противоположных. Публикуемая надпись важна тем, что дает для определенной эпохи документальные данные. Они касаются, прежде всего, основной проблемы организации военного командования, а именно: были ли отряды, расположенные в разных местах, объединены общим командованием или же действовали самостоятельно²¹.

¹⁵ Надо полагать, что кроме Рима из числа мест, где Тиберий Плавтий мог занимать эту должность, следует исключить и Северную Африку, во-первых, потому что, будь это так, он наверняка не умолчал бы об этом в тексте надписи, во-вторых, и раньше и позже служба Тиберия Плавтия проходила в северо-восточной части Империи и если бы самая эта должность отправлялась где-нибудь в совершенно другом месте, следовало бы ожидать, по аналогии с другими надписями, что это было бы отмечено в тексте. Северное Причерноморье названо тут в качестве одного из возможных мест.

¹⁶ См. выше прим. 4.

¹⁷ RE, Hbd. 24, s. v. *legio*.

¹⁸ Ростовцев, Римские гарнизоны..., стр. 142—144; В. Н. Дьяков, Таврика в эпоху римской оккупации, «Уч. зап. МГПИ им. Ленина», т. XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 48—56; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М. — Л., 1949, стр. 329 сл.; В. Д. Блаватский, Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954, стр. 132.

¹⁹ Ростовцев, Римские гарнизоны..., стр. 155—158.

²⁰ Там же, стр. 155.

²¹ Впервые затронул этот вопрос с учетом изучаемой надписи М. И. Ростовцев в работе «Военная оккупация Ольвии римлянами» (стр. 7). Последующие исследователи Северного Причерноморья, однако, на эту надпись не ссылаются, и их предположения о едином командовании основываются большей частью на общих соображениях и, в частности, на упоминании звания военного трибуна в некоторых надписях, найденных в Херсонесе. Между тем вопрос представляется не таким простым, каким может показаться с первого взгляда: если херсонесская вексильция была действительно бо́льшая, то ею вполне мог командовать военный трибун. Во всяком случае, сам по себе этот титул не может служить доказательством существования единого римского командования, а специально этот вопрос, насколько мне известно, до сих пор нигде не разбирался. Поэтому мне кажется, что в тех случаях, когда речь идет просто о военном трибуне и не упоминается, что он в то же время был *praepositus vexillationibus*, вопрос

Надпись, в которой Тиберий Плавтий назван *praepositus vexillationibus*, показывает, что, по крайней мере во второй половине II в. н. э., существовал единый командующий для всех римских векиляций, расположенных в разных местах Северного Причерноморья. На этом позволяют настаивать слова *ad Scythia(m) et Tauricam*, ибо хорошо известно, что греческая и римская историография под Таврикой всегда понимала весь Крымский полуостров, а под Скифией — примыкающие к северному берегу Черного моря степи ²².

К сожалению, изучаемая надпись не сообщает, в каких именно местах и в каком количестве стояли римские векиляции, но об этом позволяет судить материал, найденный в самом Северном Причерноморье. Точно известно пять таких пунктов: Ольвия²³, Херсонес²⁴, поселение у села Заветного²⁵, Харакс²⁶ и Пантикапей (КБН, 666; 691; 726). О стоянке римских войск в каждом из перечисленных мест свидетельствуют либо прямые данные письменных источников, чаще всего надписей, либо очень убедительный археологический материал. Другие места, где могли стоять векиляции, в настоящее время с уверенностью назвать нельзя, но нельзя и утверждать, что наши сведения исчерпывающие: раскопки у села Заветного показали это с полной очевидностью. Не исключено, что впоследствии раскопки в Крыму смогут подкрепить предположение В. Н. Дьякова о стоянке римских войск в ряде пунктов на южном берегу Крыма и на перевалах главной Крымской гряды²⁷. Не будет, пожалуй, неожиданностью, если такие материалы появятся и в юго-западной и северо-западной частях полуострова или по побережью Черного моря от Крыма до Дуная — ведь вся эта территория была важна для Рима. Но поскольку все это относится пока к области догадок, будем пользоваться материалами лишь пяти названных городов.

Итак, можно считать, что под командованием Тиберия Плавтия, начальника векиляций, находился (поскольку перерывов в существовании отрядов этих легионов в названных местах с середины II в. до нашествия готов неизвестно): херсонесская векиляция в составе солдат I Италийского и XI Клавдиева легионов и поста бенефициариев, а также суда мезийского флота, затем I Фракийская когорта, стоявшая в кастеле в Хараксе, и пост бенефициариев, находившийся поблизости от него, векиляция на поселении близ села Заветного — из солдат XI Клавдиева легиона — и Ольвийская векиляция, состоявшая из солдат I Италийского, V Македонского и XI Клавдиева легионов; о других частях пока ничего нельзя сказать.

Остается, однако, неясным вопрос, с каких пор всеми векиляциями Северного Причерноморья командовал один человек? В источниках, которыми мы располагаем, помимо рассматриваемой надписи, всегда идет речь об отдельных векиляциях. Правда, не нужно забывать об одной особенности этих источников — это или посвятительные надписи солдат, или их надгробия. Естественно, что в таких надписях чаще всего, если не всегда, упоминается только командир того отряда, в котором служил солдат, ставивший надпись (IOSPE, I², 549; 551; 553), и понятно, что солдатам было мало дела

остается открытым, и возможно, что в таком случае речь идет лишь о командире херсонесской векиляции, тем более, что Херсонес, безусловно, был оплотом римских войск в Северном Причерноморье, и, как показывает упоминаемая ниже карта из Дура-чтоб переправиться в Трапезунд.

²² М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 42—83.

²³ IOSPE, I², № 332; Ростовцев, Военная оккупация Ольвии римлянами, стр. 8 сл.

²⁴ IOSPE, I², 404, 417, 547—557; Ростовцев, Римские гарнизоны..., стр. 144 сл., о н же, Военная оккупация Ольвии римлянами, стр. 6—7; о н же, Новые надписи с юга России, ИАК, вып. 27, стр. 20 сл.; В. Ф. Гайдукевич, История античных городов Северного Причерноморья (Краткий очерк), сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 93—94.

²⁵ Т. М. Висотська, Про виробництво скла в пізньюантичному Криму, «Археологія», т. XVI, Київ, 1964, стр. 20.

²⁶ IOSPE, I², 674—677; Ростовцев, Римские гарнизоны..., стр. 151—157; о н же, Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев на Ай-Тодоре, ИАК, вып. 40, стр. 1—42; Дьяков, Таврика в эпоху римской оккупации, стр. 73 сл.

²⁷ Дьяков, Таврика в эпоху римской оккупации, стр. 61 сл.

до вышестоящих начальников. Но все же эта особенность источников может лишь частично объяснить отсутствие упоминания об общем командовании. Возможно, что в начальный период пребывания римских войск в Северном Причерноморье, может быть, даже до второй половины II в. н. э., находившиеся там векиляции действовали самостоятельно и подчинялись непосредственно военному командованию провинции Нижняя Мезия. Во второй же половине II в. н. э., скорее даже ближе к концу его, происходит объединение разрозненных векиляций и подчинение их одному лицу, что нашло отражение, в частности, и в рассматриваемой надписи. Такая централизация управления войсками, безусловно, могла способствовать повышению мобильности и маневренности войск, убыстрить выполнение поставленных перед ними задач.

Возможно, что это было вызвано появлением новых кочевых племен в причерноморских степях и ухудшением положения бывших греческих колоний. Период второй половины II — начала III в. н. э. был очень беспокойным для античных городов Северного Причерноморья — об этом весьма красноречиво сообщают античные авторы²⁸. Массовые передвижения кочевых племен, их постоянные нападения на пограничные районы римских провинций привели при Марке Аврелии и Коммодe к целому ряду длительных войн. Несомненно, что изменения в степном населении и его набеги не оставили незатронутыми и античные города на северном берегу Черного моря, которые оказались, по-видимому, в трудном положении и вынуждены были активизировать военные действия в степи и укреплять свои оборонительные сооружения²⁹. Особенно показателен пример Ольвии³⁰, вынужденной обратиться к Риму за помощью для защиты от нападения тавроскифов. Есть также основания полагать, что именно в эту эпоху прекращается жизнь на многих приднепровских городищах³¹. Вполне возможно, что в связи с этим угрожающим положением Рим счел необходимым реорганизовать командование своими векиляциями в Северном Причерноморье, усилить там свои войска и, может быть, в некоторые места ввести их впервые. Во всяком случае, в Пантикапее, по свидетельству надписей, датируемых II в. или началом III в., появляются солдаты V Фракийской и IV Кипрской когорты (КВН, 666; 691; 726), в Херсонесе, кроме уже упомянутых частей, — солдаты I когорты бравагустанцев и II когорты луkenзов (IOSPE, I², 553; 555). По предположению Ф. Ф. Кюмона, на рубеже II—III вв. в военных действиях в Таврике участвовали солдаты XX когорты пальмирцев³². Из-за недостатка данных и неточности датировки надписей трудно, однако, утверждать, что в указанное время все эти части находились там одновременно³³.

Новым в надписи является и название этих векиляций — *vexillationes Ponticae*. Построение фразы и контекст надписи позволяют думать, что определение «понтийские» скорее относится к той области, откуда они были посланы, чем к месту назначения. На первый взгляд может показаться, что это название связано с провинцией Понт и Вифиния; но поскольку в ней не было своих легионов, такое предположение кажется маловероятным³⁴. Представляется более обоснованным соотнести его с названием сою-

²⁸ Dio Cass., Epit. LXXV, 3; Eutr., 8, 13; Oros., VII, 15, 8.

²⁹ Га й д у к е в и ч, Боспорское царство, стр. 335 сл.

³⁰ SHA, vita Ant. 9; Р о с т о в ц е в, Военная оккупация Ольвии римлянами, стр. 12—13; Га й д у к е в и ч, История..., стр. 62—63.

³¹ Гавриловское городище — см. Н. Н. П о г р е б о в а, Позднескифские городища на Среднем Днепре, МИА, № 64, 1958; Золотая Балка — М. И. В я з ь м и т и н а, Золотая Балка, Київ, 1962, стр. 227; Любимовское городище — I. Ф а б р и ц и у с, Любимівське городище, «Вісник Одеської комісії краєзнавства», ч. 4—5, Одеса, 1930, стр. 117; Козырское городище — А. В. Б у р а к о в, Городище біля у с. Козирка, поблизу Оливії, АП УРСР, т. IX, стр. 55.

³² Fr. C u m o n t, Fragment de bouclier portant une liste l'etapes, «Syria», VI (1925), стр. 11—12.

³³ К сожалению, история этих военных частей известна очень плохо. Так, о II когорте луkenзов известно только по трем дипломат от 105 и 112 гг. из Нижней Мезии; в 199 г. она была во Фракии, см. C i c h o r i u s, Cohortes, RE, Bd. IV, стб. 341. Так же обстоит дело и с другими частями; поэтому очень трудно сказать, одновременно ли эти части находились в Северном Причерноморье и когда это было.

³⁴ RE, Bd. III, s. v. *Bythinia et Pontus provincia*.

за западнопонтийских городов, которое, возможно, распространилось и на определенную территорию³⁵; сам союз часто назывался просто «Понт»³⁶. В таком случае определение «понтийский» может указывать, из каких именно районов Мезии посылались векиляции в Северное Причерноморье.

Какова же могла быть общая численность римских векиляций, находившихся под командованием Тиберия Плавтия в Северном Причерноморье? К сожалению, на этот вопрос в настоящее время можно ответить лишь приблизительно, а вернее, только наметить его решение. Из пяти известных векиляций ольвийская и «заветинская» были, вероятно, самыми малочисленными, но и в таком случае каждая из них вряд ли насчитывала меньше сотни солдат³⁷. В Хараксе, по предположению М. И. Ростовцева, принятому многими исследователями, стояла целая когорта³⁸, а также пост бенефициариев³⁹. Не менее многочисленна была и херсонесская векиляция (дополненная к тому же солдатами флота), о многочисленности которой свидетельствуют раскопки ее казарм⁴⁰. О частях, находившихся на Боспоре, известно меньше всего, но вряд ли стоило посылать туда только около сотни солдат, вероятно, их было больше.

Таким образом, общая численность римских войск в Северном Причерноморье могла достигать в конце II — начале III в. н. э. 2—2,5 тыс. человек. Косвенным подтверждением этого может служить и военный чин Тиберия Плавтия. Должность командира векиляций в Северном Причерноморье, как об этом уже говорилось, — вторая в его военной карьере; сначала он командовал векиляцией III Августова легиона у маркоманнов. Можно думать, что численность ее приближалась к когорте, так как с одной стороны, не было смысла везти из далекой Африки несколько десятков солдат, а с другой, — беспокойное положение на южных границах расположенных там римских провинций не позволяло выводить оттуда слишком большие контингенты⁴¹. Можно сделать еще одно предположение: поскольку известно, что Тиберий Плавтий был военным трибуном I Италийского легиона, части которого стояли также и в Северном Причерноморье, то не командовал ли он находящимися там векиляциями, состоя в чине военного трибуна названного легиона?

Один сравнительно недавно найденный памятник показывает, что район Северного Причерноморья представлял для Рима большой интерес еще в одном отношении. Имеется в виду своего рода военный итinerary, найденный в Дура-Европос в 1922—1923 гг. при раскопках одной из оборонительных башен города. Его издал Ф. Кюмон в 1925 г.⁴², но почему-то документ не обратил на себя должного внимания. Это, по

³⁵ Dessau, 1465: ...buleutae civitatis Ponticae Tomitanorum... Из этой надписи видно, что определение «понтийская» распространялось на определенную географическую округу, центром которой были Томы; надпись можно датировать временем не ранее середины II в. н. э.

³⁶ Т. Д. Златковская, Мезия в I—II вв. н. э., М., 1951, стр. 55, 113—114. Если это предположение справедливо, то оказывается возможным определить более конкретно географический район, из которого посылались в Северное Причерноморье, векиляции, известные по надписям, опубликованным Ростовцевым. См. Ростовцев, Римские гарнизоны..., стр. 155; он же, Новые латинские надписи с юга России, стр. 21. По аналогии с чтением этих надписей считаю возможным прочитать то же название и в надписях на черепице, найденных недавно в Херсонесе и опубликованных В. В. Борисовой с пометкой, что они пока не поддаются чтению (см. В. В. Борисова, Раскопки цитадели в 1958—1959 гг., СХМ, вып. III, Симферополь, 1963, стр. 54; она же, Новые надписи на черепице, СХМ, вып. II, Симферополь, 1961, стр. 39—45. Штемпель VEMI (рис. 5 на стр. 43) — ve(xillatio) M(oesiae) i(nferioris).

³⁷ A. Domaszewski, Die Rangordnung des römischen Heeres, «Bonner Jahrbücher», Ht 117, 1908, стр. 106 сл.

³⁸ Ростовцев, Святилища фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре, стр. 38—39.

³⁹ Там же, стр. 1 сл.; Э. И. Соломоник, Новые эпиграфические памятники Херсонеса, Киев, 1964, стр. 124 сл.

⁴⁰ Борисова, Раскопки цитадели..., стр. 45 сл.

⁴¹ Pflaum, Les carrières..., стр. 540.

⁴² Cumont, Fragment de bouclier..., стр. 1—15.

мнению Ф. Кюмона, часть кавалерийского щита, состоявшего из тонких деревянных пластин, с наружной и внутренней стороны обтянутых кожей. На внешней стороне щита было изображено в красках побережье Черного моря и само море. На этой своеобразной карте нанесены также крупные населенные пункты Западного и Северного Причерноморья с указанием расстояния между ними.

Пункты следуют в такой последовательности:

[Π]αν[υρός ποτ(αμός)? μί(λια)...]
 'Οδ[εσ[ός μί(λια)...]
 Βυβόνα [μί(λια)...]
 Κάλ[λ]α[τις μί(λια)...]
 Τομέα μί(λια) λγ
 'Ι[σ]τρος ποτ(αμός) [μί(λια)...]
 Τόρα μί(λια) πδ
 Χερ[σ]όν[ησος...]
 Τραπ[εζοός...]
 'Αρτα[ξάτα μί(λια)...]

К сожалению, цифры, указывавшие расстояние между городами Северного Причерноморья, не сохранились, и мы лишены возможности проверить точность сведений итinerary о северном берегу Черного моря. Издатель сопроводил публикацию подробным комментарием. По мнению Ф. Кюмона, карта принадлежала военному и использовалась для определения маршрута, по которому соединение римских войск перебрасывалось из Придунавья в Месопотамию или в обратном направлении; таким отрядом, думает он, могла быть XX когорта пальмирцев, пребывание которой зафиксировано в обоих этих районах. Издатель надписи не исключает и возможность того, что эта когорта, имевшая опыт войны с кочевниками пустынь, могла быть использована для борьбы с кочевым населением северопричерноморских степей, что могло и не найти отражения в надписях, если пребывание ее там было недолгим⁴³. Ф. Кюмон датирует карту временем не позднее 235 г., причем ранний предел датировки не указан⁴⁴.

В связи с находкой карты получают новое освещение и надписи бенефициариев из Херсонеса и Харакса. По-видимому, бенефициарии выполняли там свои обычные функции, т. е. наблюдение за дорогами и их охрану⁴⁵. Наличие карты и посвящений бенефициариев позволяет уверенно говорить о существовании важной стратегической дороги вдоль северного берега Черного моря, связывавшей два наиболее беспокойных района Империи — Придунавье и Месопотамию. Дорога, по-видимому, шла и на Харакс, а судя по упоминанию в карте 'Αρταξάτα, возможно, через Боспор доходила до Армении, где в это время тоже было неспокойно. Таким образом, карта — важный документ, который выявляет новые мотивы пребывания римских войск в Северном Причерноморье — охрана этой дороги, без сомнения, входила в обязанности стоявших там римских векепаций. Когда возникла эта дорога? Датировка карты позволяет говорить о первой трети III в., но весьма вероятно, что дорога возникла несколько раньше, в конце II в., когда велись маркоманские войны, которые заставили бросить на Дунай легионы и векепации из других частей Империи. Возможно, создание дороги и реорганизация командования векепациями произошли одновременно и были связаны друг с другом⁴⁶.

⁴³ C u m o n t, Fragment de bouclier..., стр. 11 сл.

⁴⁴ Там же, стр. 9—10.

⁴⁵ A. D o m a s z e w s k i, Die Benefiziarierposten und die römischen Straßennetze, «Westdeutsche Zeitschrift», Bd. XXI (1902), стр. 159. Подробно вопрос о бенефициариях разобран в работе М. И. Ростовцева «Святыни фракийских богов...» (стр. 5—12); см. также С о л о м о н и к, Новые эпиграфические памятники..., стр. 124—132. К сожалению, Э. И. Соломоник не учла карты из Дура-Европос и поэтому о существовании римских дорог в ее работе говорится лишь в предположительной форме.

⁴⁶ Карта, опубликованная Фр. Кюмоном, — безусловно важнейший и ценнейший исторический документ для изучения Северного Причерноморья в римскую эпоху и, конечно, заслуживает большего внимания, чем уделено ей в настоящей статье. Комментарий Ф. Кюмона очень интересен и важен, тем не менее, лишен многих подробностей,

Осталось рассмотреть вопрос о дате перечисленных в надписи постов Тиберия Плавтия, тем более, что сам памятник в его теперешнем состоянии не содержит прямых хронологических указаний. Правда, упоминание в ней маркоманских войн дает некоторую отправную точку. Второй зацепкой может служить то обстоятельство, что в надписи оказалось стерто имя Коммода. Эти две особенности надписи, взятые вместе, смогут помочь более точному установлению времени службы Тиберия Плавтия на постах, которые он занимал. Уже Г. Дессау отметил, что военные награды Тиберий Плавтий получил от Коммода⁴⁷. По мнению Г. Пфлаума, эти награды были получены Тиберием Плавтием от обоих императоров во время триумфа 176 г.⁴⁸ Предположение Дессау нам представляется более обоснованным. В самом деле, конец надписи, где находилось имя Коммода, тщательно стерт, а оно находилось сразу же за словами *donatus donis militaribus*⁴⁹. Если бы награды были получены от обоих императоров, то в надписи, несомненно, стояло бы также имя Марка Аврелия, которое не было нужды стирать.

Но другое предположение Г. Пфлаума, высказанное на той же странице, кажется верным: по его мнению, за упоминанием Коммода следовало описание начала карьеры Тиберия Плавтия, которое оказалось стертым вместе с именем императора. И хотя иногда упоминание о полученных наградах выносилось в конец надписи⁵⁰, но обычно они все-таки назывались в той части надписи, где упоминались события, за участие в которых эти награды были получены⁵¹. Поэтому предположение Г. Пфлаума кажется очень правдоподобным, хотя и другую возможность тоже нельзя совсем исключить. Но если принять гипотезу Г. Пфлаума, то необходимо принять и вытекающие из нее следствия. А они следующие: во-первых, награда, полученная от Коммода, должна быть связана либо с должностью Тиберия Плавтия (которая упоминалась вслед за именем императора), либо с его пребыванием на посту командира векиляций III Августова легиона; во-вторых, что служба Тиберия Плавтия до получения награды проходила до Коммода или в ранние годы его правления и, в-третьих, что служба Тиберия Плавтия после получения награды проходила в последние годы правления Коммода. Итак, если предположение Пфлаума справедливо, то служба Тиберия Плавтия в Северном Причерноморье и на постах прокуратора и префекта падает на 80-е, а может даже на 90-е гг. II в. Если же все-таки упоминание о наградах было вынесено в конец надписи, то и тут остается несомненным получение наград от Коммода и прохождение Тиберием Плавтием части службы (в том числе в Северном Причерноморье) при этом императоре. Но какие посты занимал он в этом случае при Коммодe, а какие при Марке Аврелии, неизвестно: несомненно, что с Коммодом нужно связать последние посты, но какие — по этой надписи сказать невозможно. Сама надпись составлялась, вероятно, позднее — в начале 90-х годов, но, кажется, до смерти Коммода, поскольку был упомянуто его имя.

Надпись Тиберия Плавтия Феликса Феррунтиана нельзя назвать ни очень подробной, ни очень обстоятельной; она, подобно сотням и тысячам других латинских надписей, проста и немногословна. Но и при всей своей краткости надпись содержит ин-

так как, по словам самого автора, он самостоятельно этим вопросом не занимался, но пользовался консультацией М. И. Ростовцева. Так, например, не ясно, весь ли путь от Тиря до Херсонеса был сухопутным, или часть его проходила по морю; мнение издателя карты на этот счет нечетко. Возможно, что весь этот отрезок дороги проходил по суше, доказательством чему может служить лагерь римских солдат у Заветинского городища, который, может быть, следует рассматривать не только как вынесенный на север укрепленный пункт, но, скорее, как один из лагерей, призванных охранять римские дороги в Северном Причерноморье. Во всяком случае, все это еще нуждается в изучении, так же как и карта в целом требует серьезного исторического коммента-

⁴⁷ D e s s a u, 2747, прим. 6.

⁴⁸ P f l a u m, *Les carrières...*, стр. 540.

⁴⁹ Таких случаев известно много; см. D e s s a u, 1326, 1327, 1124, 1183. См. список надписей с подобной формулой там же, т. III, Index, стр. 483.

⁵⁰ D e s s a u, 2083, 1071.

⁵¹ Там же, 1065, 1400, 2080, 2081.

где больше не встречающиеся сведения об отправке вексилляции III легиона из Северной Африки на Балканы, об организации управления римскими войсками в Северном Причерноморье, упоминает не известную по другим источникам должность, связанную с анноной.

С. А. Беляев

AN INTERPRETATION OF CIL, VIII, 619

by S. A. Belyayev

Particular attention is paid to several points raised by this inscription. In the first place, the office of *procurator ad solaminia et horrea* is discussed. In the author's opinion this office certainly cannot be connected with the Roman city *annona*; it is more likely that Tiberius Plautius Ferruntianus, who held the office and set up the inscription, was connected with grain provisioning somewhere in the provinces, possibly in Moesia or some other Danube territory, where he held his other posts. The author believes that among his responsibilities was the security of granaries.

The author further discusses the post held by Tiberius Plautius as commander of the Roman troops in the North Black Sea area (*praepositus vexillationibus ponticis*). The author points out that so far this inscription is the only document and the earliest evidence attesting a single command over all Roman troops in the area. Analysis of the political and military situation there at the end of the second century A. D. suggests that a reorganization of the Roman command may have taken place in this period, especially since a strategic highway was built along the North Black Sea coast at about the same time (Fr. Cumont, Syria, vol. VI, 1925).

Finally, on the dating of the various posts held by Tiberius Plautius which are mentioned in the inscription. In the author's opinion the careful erasure at the end of the inscription, after the words *donatus donis militaribus*, may indicate that Tiberius Plautius was rewarded by Commodus, which means that he held several posts during the reign of this emperor. These offices should accordingly be dated in the nineties rather than the seventies of the second century, as had been supposed by previous students of the inscription.

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПОЗДНЕРИМСКОГО ОБЩЕСТВА НА СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В одном из наших исторических журналов недавно было высказано мнение, что «плодотворным может оказаться изучение средневекового права.... не только в аспекте истории права и правовых институтов, но и как непосредственной составной части всего исторического процесса формирования феодального строя в Западной Европе»¹. То же суждение вполне применимо и к эпохе поздней Империи. В том, разумеется, смысле, что изучение происходивших в римском праве изменений, а также изменений в римском судопроизводстве, должно рассматриваться как составная часть исторического процесса разложения рабовладельческого строя Империи.

В данной статье делается попытка коснуться отдельных вопросов, связанных с отражением на судебной области изменений в социальной структуре общества, но не имеющей в виду излагать общие положения организации суда в императорскую эпоху.

¹ З. В. У д а л ь ц о в а, Задачи изучения генезиса феодализма в странах Западной Европы, «Вопросы истории», 1966, № 9, стр. 66.